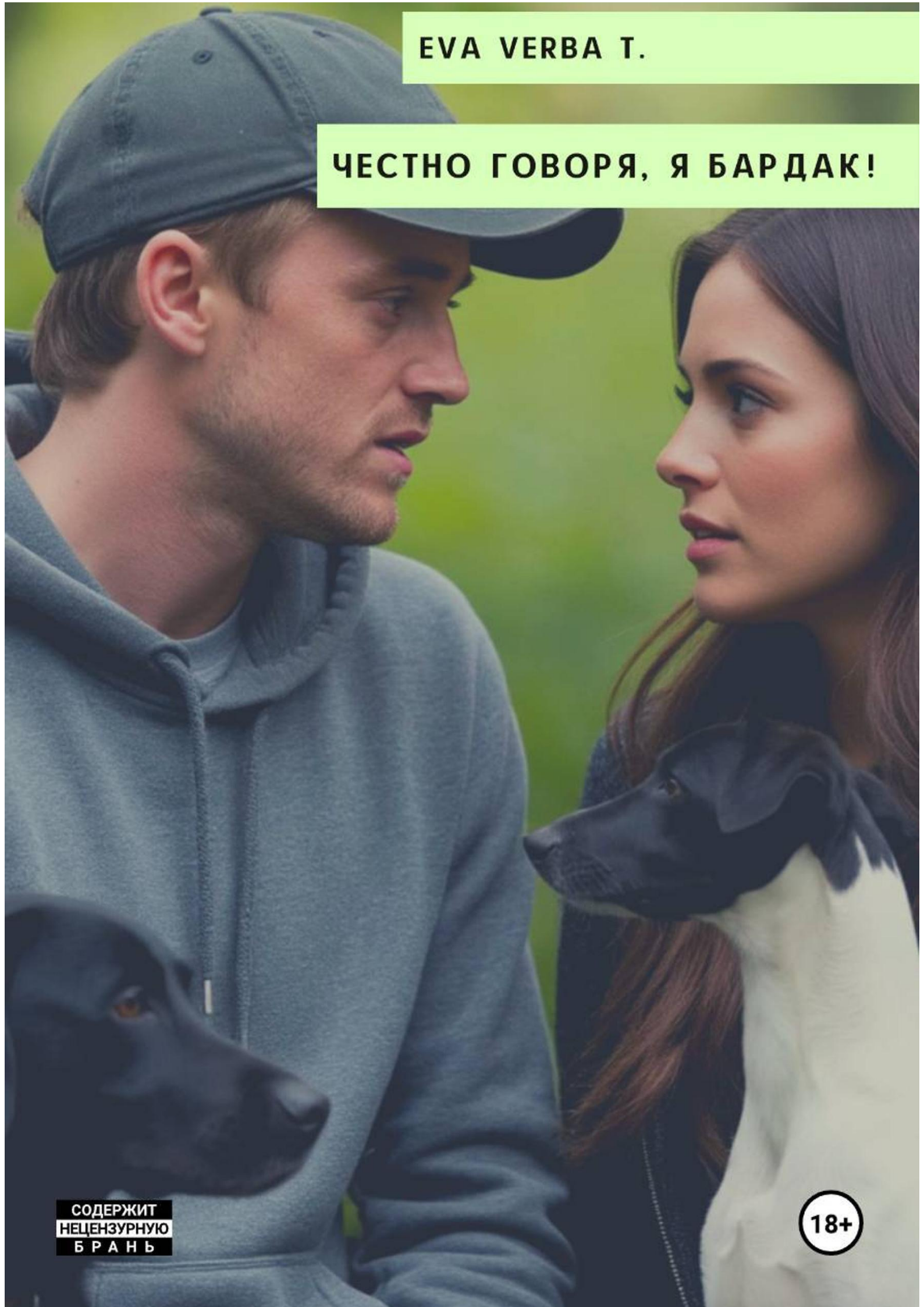

A man and a woman are shown in profile, looking at each other. The man is on the left, wearing a grey hoodie and a grey baseball cap. The woman is on the right, with long brown hair. In the foreground, the heads of two dogs are visible: a black dog on the left and a black and white dog on the right. The background is a soft, out-of-focus green.

EVA VERBA T.

ЧЕСТНО ГОВОРЯ, Я БАРДАК!

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Eva T.

Честно говоря, я бардак!

«Автор»

2026

Т. Е. V.

Честно говоря, я бардак! / Е. V. Т. — «Автор», 2026

Том Фелтон — не Драко Малфой. Он живой: матерится, обожает своих собак, болеет за «Арсенал» и воюет с дурацким тостером. Его характер — не выдумка. Он такой, каким сам себя показал — в мемуарах, интервью, каждой честной фразе. Здесь он настоящий. Не персонаж. Не икона. Просто Том. История одной случайной встречи, которая перевернула всё. О жизни, о минусах известности, о том, как слава душит, а любовь спасает. Эта книга — художественная литература. Она не является биографией Тома Фелтона и не претендует на документальную точность. Несмотря на это, в тексте использованы реальные имена, факты из жизни, цитаты из интервью и мемуаров «Beyond the Wand». Всё, что касается личной жизни героя, его семьи и друзей, является плодом авторского воображения! Характер Тома в книге максимально приближен к настоящему — с его манерой речи, привычками, любимыми словами. Это основа, на которую легла вымышленная история любви. Названия глав — реальные фразы Тома Фелтона. Источники указаны в оглавлении.

© Т. Е. V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 "Я не крутой"	6
Глава 1. "я не крутой"	8
Глава 2 "Сообщение от Уиллоу"	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ева Т. Честно говоря, я бардак!

Глава 1 "Я не крутой"

“Honestly, I’m a Mess!”

“Честно говоря, я бардак!”

От автора

Читатель, ты держишь в руках историю, трогательную душу. Она вымышлена от начала до конца. Но эмоции в ней — настоящие. Потому что я писала её сердцем. И потому что где-то в Англии живёт человек, который вдохновил меня на эту книгу. Он не знает об этом. Но если ты, читая, хоть раз улыбнёшься его шутке, хоть раз выдохнешь «bloody hell» вместе с ним — значит, у меня получилось.

Эта книга — художественный вымысел. Здесь изменены некоторые даты и есть будущее, о котором мы можем только гадать! Почти всё, что здесь происходит, — плод моего воображения. Он переплетён с реальными событиями и вымышленными. Но один человек в ней настоящий.

Том Фелтон.

Я не знаю его лично. Я никогда не была с ним в одной комнате, не пожимала ему руку, не брала интервью. Но я читала его книгу. Смотрела его интервью. Слушала, как он говорит — с самоиронией, с честностью, иногда с «fuck», иногда с такой уязвимостью, что сердце сжимается. И где-то между страницами «Beyond the Wand» я поняла: вот человек, о котором стоит написать. Именно в том жанре, который я выбрала, потому что, кажется, что такие книги находят своего читателя быстрее, чем автобиографии. Я хотела написать именно о нём не потому что он знаменит. Не потому что он Драко Малфой. А потому что он настоящий.

Мир знает его как Драко. Кто-то видит в нём плейбоя с обложек, кто-то — трусоватого каноничного слизеринца, который не умеет любить. Фанфики пишут его по-разному: идеальным, опасным, холодным, страстным. Но я не хотела писать Драко. Я хотела написать Тома. Живого. Настоящего. Того, кто смеётся, когда его сбивает с ног чужая собака. Кто говорит «fuck» и «bollocks», когда что-то идёт не так. Кто плакал на первой встрече анонимных алкоголиков, а на вторую пришёл сам. Кто коллекционирует украденные метафоры и до сих пор воюет с тостером.

Я пыталась показать его таким, какой он есть, а не таким, каким его хочет видеть мир. Не персонажем. Не иконой. Человеком. Со страхами, с ошибками, с ревностью, с любовью. С его музыкой, его собаками, его футболом, его братьями, его домом. С его манерой говорить — которую я держала в памяти, когда писала каждую реплику.

Том, если ты когда-нибудь это прочитаешь — прости меня. Я взяла твоё имя, твой характер, твои увлечения, твой дом, твою собаку, твоих братьев, твоих родителей. Я взяла твою жизнь и придумала для неё другую историю. Я знаю, что это дерзко. Возможно, даже слишком. Но я сделала это с огромным уважением. И с любовью. Не к Драко. К тебе.

Спасибо тебе за «Beyond the Wand». За честность. За то, что ты показал: можно упасть — и подняться. Можно быть знаменитым — и оставаться человеком. Можно шутить над собой и плакать, когда трудно. Твоя книга стала для меня не просто источником информации — она стала компасом. Я сверялась с ней, когда писала тебя. Интонации, фразы, самоирония — я пыталась сохранить их. Если где-то не получилось — не держи зла!

*Спасибо, что открыл эту книгу!
С любовью,
Автор, чёрт возьми!*

Глава 1. "я не крутой"

(«*I'm not cool*» — из интервью *The Guardian*, 2016; также в подкасте «*Happy Sad Confused*», 2021)

Двумя днями ранее.

Lyric Theatre сиял огнями, как дорогой лайнер, пришвартованный к тротуару 42-й улицы. Над входом, подсвеченная золотым, парила афиша — два мальчика, бегущие сквозь время, и готический шрифт, знакомый каждому, кто хоть раз в жизни включал телевизор. «*Harry Potter and the Cursed Child*». Лена остановилась прямо под ней и, задрав голову, шумно выдохнула облачко пара в холодный октябрьский воздух.

— Женька. Жень, ты только посмотри. Мы идём на Бродвей. Не в областной театр юного зрителя, где пахнет нафталином и чьей-то бабушкой, а на Бродвей. Ты вообще понимаешь, что это лучший день в моей жизни?

Джейн стояла рядом, засунув руки в карманы старого тренча — того самого, купленного три года назад с распродажи за смешные деньги, но сидевшего так, будто его кроили лично на неё. Она смотрела на афишу без трепета, скорее с любопытством человека, который когда-то краем глаза видел пару фильмов, но так и не удосужился прочитать книги. Драко Малфой в её сознании существовал где-то на периферии — светловолосый мальчишка с надменным выражением лица, который, кажется, в конце стал чуть менее противным. Или нет? Она не помнила.

— Лен, — сказала она, не оборачиваясь, — ты ведёшь себя как подросток перед концертом. Мне страшно представить, что будет, когда ты увидишь его живьём.

— Я буду просто смотреть, — Лена прижала ладони к груди в театральном жесте. — Честное слово. Я буду самой сдержанной женщиной во всём театре.

— Ты? Сдержанной? Ты рыдала на прошлой неделе из-за рекламы корма для собак.

— Там был золотистый ретривер, Жень! У него были такие глаза! — Лена всплеснула руками, и несколько прохожих обернулись. — Но сегодня — нет. Сегодня я образец британской чопорности. Я даже дышать буду с достоинством.

Джейн скептически хмыкнула, но ничего не сказала. Она знала Лену двенадцать лет — с того самого дня, когда их, двух девятнадцатилетних студенток питерского университета, посадили за одну парту на курсе «Теория и практика рекламы». Лена была той самой подружкой, которая могла разбудить в три часа ночи, потому что «придумала гениальный слоган для зубной пасты», и той самой, которая спустя годы, уже в Нью-Йорке, сидела с ней на пожарной лестнице их съёмной квартиры в Бруклине, когда у Джейн не было ни работы, ни денег, ни веры в то, что она когда-нибудь выплывет. «Выплывешь, Женька, — сказала Лена тогда, протягивая ей банку дешёвого пива. — Ты же русская. Мы не тонем. Мы просто долго плывём».

И она выплыла. Сейчас, в тридцать пять, у неё была стабильная фриланс-практика — она делала логотипы для маленьких кофеен и стартапов, которые появлялись в Бруклине с той же частотой, с какой исчезали. Этого хватало на аренду, на еду и даже на то, чтобы иногда покупать билеты в театр. Не на первые ряды, конечно. На балкон. Но всё же.

— О чём думаешь? — Лена тронула её за локоть.

— О том, что мы уже опаздываем, а ты всё ещё позируешь под афишей.

Лена фыркнула, подхватила её под руку, и они вошли в фойе — в этот водоворот из красного бархата, хрустальных люстр и того особенного, ни с чем не сравнимого гула, какой бывает только в театре за десять минут до третьего звонка. Джейн никогда не могла точно описать, что она чувствует в такие моменты. Что-то среднее между предвкушением и покоем. Как будто на эти несколько часов можно было перестать быть собой и стать просто зрителем — тем, кто наблюдает, а не участвует.

Они нашли свои места. Балкон, третий ряд, не идеально, но с хорошим обзором. Лена немедленно вцепилась в программку, как в святую реликвию. Джейн рассеянно скользила взглядом по залу, отмечая детали — ей, как дизайнеру, это было свойственно. Плафон на потолке требовал реставрации, но именно эта лёгкая потёртость придавала помещению благородства. Кресла были обиты тёмно-бордовым бархатом — когда-то ярким, теперь выцветшим до цвета старого вина. В воздухе стоял запах пыли, духов и едва уловимого электричества — так пахнет ожидание чуда.

Свет погас.

И началось.

Спектакль захватил Джейн не сразу. Первые минут двадцать она честно пыталась уследить за сюжетом, но путалась в именах и отсылках, которых Лена, выросшая на книгах, разумеется, понимала. Но потом — потом на сцене появился он.

Драко Малфой. Взрослый.

Он вышел из тени в строгом чёрном сюртуке, высокий, бледный, с холодным, отстранённым лицом — и зал на мгновение замер. Но Джейн замерла по другой причине. Что-то в том, как он двигался, как держал плечи, как звучал его голос — низкий, чуть хрипловатый, с идеальной британской дикцией, — заставило её податься вперёд.

Это была сцена разговора Драко с сыном — тяжёлый, мучительный диалог о том, как трудно любить, когда тебя самого никогда не учили любви. Джейн не знала предыстории этих отношений. Она не читала книг, не смотрела последние фильмы целиком. Но то, что происходило на сцене, не требовало контекста. Это была чистая, незамутнённая актёрская работа — когда слова не так важны, как паузы между ними.

«Я не знаю, как быть отцом, — говорил Драко, и его голос ломался на слове "отцом", как будто само это слово ранило его изнутри. — Мой отец... мой отец научил меня только одному: как носить фамилию. Как соответствовать ей. Как прятать всё остальное».

Джейн почувствовала, как у неё пересохло в горле. Она не ожидала этого. Она шла на развлекательное шоу, на красивое зрелище с магией и спецэффектами, а получила — что? Исповедь? Она покосилась на Лену. Та сидела с совершенно мокрыми глазами и даже не пыталась это скрыть.

Актёр на сцене — тот самый, ради которого Лена тащила её через полгорода, — не играл. Он проживал. И в этом проживании было столько личной боли, столько запрятанного глубоко внутри понимания того, о чём он говорил, что Джейн вдруг стало неловко. Как будто она подсматривала за чем-то, что не было предназначено для посторонних глаз.

Антракт они провели почти в молчании. Лена утирала глаза и иногда повторяла: «Я же говорила. Я же говорила тебе». Джейн кивала, но думала о другом. О том, как странно устроена жизнь: ты можешь годами знать человека только как персонажа детской сказки, а потом в одно мгновение увидеть его совершенно иначе — объёмно, трагически, по-настоящему.

Второй акт пролетел как один миг. Когда зажгли свет и зал взорвался аплодисментами, Джейн почувствовала странную опустошённость. Так бывало всегда после по-настоящему хорошего спектакля — словно она только что вернулась из долгого путешествия и ещё не привыкла к реальности.

— Пойдём, — Лена уже тянула её за рукав. — Пойдём к служебному входу.

— Лен, ты серьёзно? Там будет толпа.

— Ну и что? Мы просто посмотрим. Мы не будем подходить. Мы просто... ну, поглазеим!

Джейн закатила глаза, но спорить не стала. Она слишком хорошо знала этот тон — тон, которым Лена произносила все свои самые безумные идеи, от поездки в Нью-Йорк по студенческой программе («Жень, ну а что мы теряем?») до покупки уиппета («Жень, ну посмотри на эти уши!»). Сопrotивляться этому тону было невозможно. И, честно говоря, Джейн не была уверена, что хочет сопротивляться.

Служебный выход Lyric Theatre находился в переулке, метрах в тридцати от главного входа. Когда они подошли, там уже собралось человек сорок — по большей части девушки и молодые женщины, некоторые в мантиях с символикой факультетов, другие просто нарядно одетые. В руках у них были программки, маркеры, телефоны. Атмосфера была приподнятой, но не истеричной — скорее взволнованной, как перед встречей с кем-то, кого долго ждал.

Джейн и Лена встали поодаль, у фонарного столба, метрах в десяти от основного скопления. Отсюда было хорошо видно дверь, но их самих почти не было заметно.

— Мы как шпионы, — прошептала Лена.

— Мы как сталкеры, — отозвалась Джейн. — Есть тонкая грань.

— Жень, не будь занудой. Мы же не орём и не тычем камерой в лицо. Мы просто смотрим.

Джейн вздохнула. Она не стала говорить вслух то, о чём подумала: что даже просто смотреть на человека, который не знает, что ты на него смотришь, было для неё немного... некомфортно. Она всю жизнь старалась не вторгаться в чужие границы. Ей казалось, что у знаменитостей этих границ не осталось вовсе, и от этого становилось почти физически неловко.

Дверь открылась примерно через полчаса.

Сначала вышли двое охранников — крупные, невозмутимые, в чёрных костюмах. Потом ещё несколько актёров из массовки — их встретили вежливыми аплодисментами. А потом вышел он.

Том Фелтон.

На нём не было сюртука. Не было холодного, отстранённого лица Драко Малфоя. Был обычный парень в джинсах, в простой белой футболке, поверх которой накинута лёгкая куртка-бомбер цвета хаки. На голове — бейсболка козырьком назад. Он выглядел уставшим — не измождённым, а именно уставшим, как выглядит человек после нескольких часов напряжённой работы, — но на лице его была улыбка. Не дежурная. Не натянутая. А тёплая, чуть застенчивая, как будто он до сих пор не до конца привык к тому, что люди ждут его выхода.

Толпа оживилась. Кто-то крикнул: «Том, ты лучший!», кто-то протянул программку. Он начал двигаться вдоль выстроившихся фанатов — медленно, методично, каждому уделяя несколько секунд. Подписывал. Позировал для селфи. Отвечал на вопросы, которые Джейн не могла слышать. Один раз он рассмеялся над чем-то, что сказала девушка в гриффиндорском шарфе, и смех этот был искренним, открытым, совсем не таким, как на сцене.

— Он такой... обычный, — прошептала Джейн, не успев подумать.

— А чего ты ожидала? Что он выйдет в мантии и начнёт пулять заклинаниями? — хмыкнула Лена.

— Нет. Просто... не знаю. На сцене он был таким... — она не нашла слова.

— Огромным?

— Может быть.

Они стояли и смотрели. Том подписал ещё несколько программ, сделал фото с парой, которая, судя по всему, приехала из Японии, и уже двинулся было к машине — чёрному внедорожнику, ожидавшему у тротуара с открытой дверцей, — как вдруг остановился. Джейн заметила, как его взгляд скользнул по толпе — привычно, профессионально, — и вдруг замер.

Он посмотрел на них.

Это длилось не больше трёх секунд. Может, двух. Но за эти две секунды Джейн почувствовала, как воздух вокруг неё сделался плотнее. Он не улыбнулся. Не кивнул. Просто посмотрел — внимательно, как будто пытался что-то вспомнить. Или понять.

А потом он отвёл взгляд, сел в машину, и дверца закрылась.

— Жень, — голос Лены донёлся откуда-то издалека. — Женька, ты видела? Он на нас посмотрел.

— На меня, — поправила Джейн тихо.

— Что?

— Ничего. Пойдём домой. Холодно.

— Подожди, ты что, не хочешь...

— Лен, пойдём. Пожалуйста.

Она сама не знала, почему ей вдруг захотелось уйти. Не сбежать — именно уйти, спокойно и быстро, как уходят с чужого праздника, на котором оказались случайно. Но одну вещь она знала точно: этот взгляд — внимательный, как будто была какая-то загадка, которую он не мог разгадать с ходу, — она не забудет.

Лена ещё что-то щебетала по дороге к метро, но Джейн её почти не слушала. Она думала о том, что завтра ей нужно забрать у Лены ключи от квартиры и, главное, собаку. Кляксу. Уиппета с характером маленького торнадо. Лена улетала на Гавайи — внезапный отпуск, который она выиграла в каком-то конкурсе в инстаграме и который, по её словам, «выпадает раз в жизни». Джейн согласилась присмотреть за собакой, хотя её опыт общения с животными ограничивался хомяком в пятом классе. Что могло пойти не так?

Это был риторический вопрос. Вселенная, как известно, на риторические вопросы отвечает с особой жестокостью.

Прошло два дня.

Центральный парк в утренние часы — это особое государство внутри государства. У него свои законы, свои ритмы и свои граждане: бегуны с сосредоточенными лицами, мамы с колясками размером с небольшой автомобиль, пенсионеры, кормящие голубей с методичностью, граничащей с религиозным рвением. И собачники. Много собачников.

Джейн ненавидела рано вставать, но Кляксе было на это решительно наплевать. Уиппет, как выяснилось в первую же ночь, имел чёткое представление о расписании: подъём в шесть тридцать, прогулка в семь, завтрак в семь сорок пять. Не позже. Любое отклонение от графика каралось тихим, душераздирающим поскуливанием, которое Клякса издавала, сидя у кровати и глядя на Джейн своими огромными, полными вселенской скорби глазами. Выдержать этот взгляд было невозможно.

Поэтому в семь пятнадцать утра Джейн уже шагала по аллее Центрального парка, сжимая в одной руке поводок, а в другой — стаканчик с американо, который она успела купить в кофейне на углу. Кофе был горячим, утро — прохладным, небо над головой — безупречно синим. Если не считать того факта, что она не выпалась, а собака, которую она выгуливала, относилась к ней с царственным снисхождением, всё было почти идеально.

Клякса бежала впереди лёгкой, пружинистой рысцой, которая казалась совершенно безобидной, если не знать, что из этого состояния она способна перейти в полный боевой режим за ноль целых пять десятых секунды. Джейн этого пока не знала. Вернее, Лена её предупреждала — что-то про «охотничий инстинкт» и «не спускать с поводка», — но Джейн, наивная душа, решила, что подруга преувеличивает. Клякса была слишком изящной, слишком аристократичной, чтобы устраивать безумства. Она выглядела как собака, которая предпочла бы лежать на бархатной подушке и принимать комплименты.

Внешность, как известно, обманчива.

Телефон в заднем кармане завибрировал. Джейн переложила стаканчик в ту же руку, что держала поводок, и попыталась достать мобильник, не облившись кофе. Это была задача из разряда «почти невыполнимых», но она почти справилась. Почти.

— Алло?

— Как там моя девочка? — Голос Лены звучал так, словно она звонила напрямую из рая. На заднем плане слышался шум волн.

— Твоя девочка пятнадцать минут назад попыталась съесть голубя, — Джейн попыталась зажать телефон плечом, одновременно удерживая поводок и пытаясь донести стаканчик до урны. — Живого, Лен. Она поймала его ртом.

— О боже. И что голубь?

— Голубь в порядке. Я нет. Какая-то женщина в легинсах назвала меня безответственной мамашей.

Лена расхохоталась.

— Женька, ты прелесть. Я тебя обожаю. Ты держись там, ладно? Через пару дней вернусь.

— Я и не жалуюсь, — Джейн наконец донесла стаканчик до урны. Кофе был допит. Остатки полетели в мусорку. — Просто предупреждаю: твоя собака — это замаскированный демон. Красивый, но демон.

— Это потому что ты с ней не сюсюкаешь. Ей нужно, чтобы её любили.

— Лен, я кормлю её с рук и разрешаю спать на подушке. По-моему, это уже...

Она не закончила. Потому что в этот самый момент Клякса сделала то, что уиппеты делают лучше всего, — рванула с места. Не было ни предупреждения, ни натяжения поводка, ни паузы. Только что она трусила рядом — и вот она уже несётся вперёд, распластавшись в прыжке, как гончая на треке, и единственное, что успела заметить Джейн, — это силуэт мужчины с собакой, который появился на аллее метрах в пятнадцати впереди.

Поводок выскользнул из рук.

Телефон выпал.

Стаканчик, уже пустой, покатился по асфальту.

— Клякса! — крикнула Джейн, но было поздно.

Дальнейшее произошло в течение примерно трёх секунд, которые для Джейн растянулись в вечность. Клякса на полной скорости врезалась в ноги мужчины. Мужчина потерял равновесие. Стаканчик с кофе, который он держал в руке, взлетел в воздух, описав дугу, достойную современного искусства. Мужчина упал — не жёстко, скорее нелепо, — на газон. Его бейсболка слетела. Солнечные очки съехали набок.

А его собака — чёрный лабрадор с блестящей шерстью, любопытными глазами-бусинами и хвостом, который, кажется, жил своей собственной жизнью, — немедленно бросилась к Кляксе и начала её обнюхивать с энтузиазмом давнего друга, который наконец-то встретил родственную душу.

Джейн подбежала. Вернее, подлетела. Она схватила Кляксу за ошейник и, даже не взглянув на поверженного мужчину, выпалила на том особом языке, на котором думала в моменты крайнего стресса — на русском, в перемешку с английским:

— Клякса! Ты что, совсем с катушек слетела?! Ты сбила человека! Ты понимаешь, что ты натворила?! Ленка тебя гладиаторами что ли, кормит?! Откуда в тебе эта тяга к разрушению?! Ты посмотри на него — он же весь в кофе! У него толстовка, возможно, стоит больше, чем моя аренда, а ты...

И тут раздался смех.

Не вежливый смешок, не сдержанное хмыканье — а настоящий, искренний, мальчишеский хохот, от которого запрокидывают голову и забывают дышать. Мужчина на траве смеялся так, будто всё происходящее было лучшей комедией, которую он видел за последние годы.

Джейн замерла. Медленно — очень медленно — она повернула голову.

Мужчина стянул с лица перекошенные очки. Без бейсболки, без очков, с прилипшими ко лбу светлыми волосами и широким кофейным пятном на груди, он сидел на мокрой траве Центрального парка и смеялся — открыто, заразительно, запрокинув голову. Вокруг глаз собрались тонкие лучики морщин. От него веяло такой неподдельной, такой обезоруживающей радостью, что Джейн на мгновение забыла, где она находится.

И тут она его узнала.

Тот самый человек. Со сцены. Из переулка. Тот, чей взгляд она не могла забыть два дня. Том Фелтон собственной персоной — не в сюртуке и не при полном параде, а в мятой толстовке, с травинками в волосах и кофейным пятном на всю грудь. Он сидел на газоне Центрального парка и хохотал так, словно она была лучшим комиком поколения.

— Вы... — начала она и осеклась. — Я... Простите, ради бога. Я оплачу химчист...

— Нет, пожалуйста, не останавливайтесь, — он поднял руку, всё ещё смеясь, и его голос — тот самый голос, который она слышала со сцены, — прозвучал тепло и совершенно не актёрски. — Мне совершенно необходимо узнать, кем вас двоих кормили, потому что... — он перевёл дыхание и вытер выступившие от смеха слёзы, — ...честно говоря, это не самый худший способ начать утро. Обычно я сам проливаю на себя кофе. По крайней мере, теперь у меня есть забавная история.

Он говорил легко, с той особенной, чуть небрежной интонацией, в которой смешивались британская самоирония и искреннее, почти детское веселье. Он не был раздражён. Ему действительно было смешно. И от этого Джейн стало одновременно и легче, и ещё более неловко.

— Я думаю, она хотела просто познакомиться с вашей собакой, — сказала она, чувствуя, как предательски краснеют щёки. — Это уиппет. Они быстрые. И идиоты. В смысле — не в медицинском смысле, просто...

— Уиппеты — это великолепно, — перебил он, поднимаясь с травы одним плавным движением. — У меня у самого в детстве была такая. Они не идиоты. Они — гении. Просто у них приоритеты отличаются от наших.

Он наклонился к Кляксе и серьёзно, как равной, кивнул ей:

— Моё уважение.

Клякса в ответ лизнула его в нос. Том снова рассмеялся — на этот раз тише, мягче, — и выпрямился, отряхивая джинсы.

— Как её зовут?

— Клякса, — сказала Джейн и тут же, почему-то смутившись, пояснила: — Это значит... ну, чернильное пятно. По-русски.

— Кляк-са, — повторил он, старательно выговаривая незнакомые звуки. Получилось с запинкой, но очень старательно. — Сложно. Но справедливо. — Он указал на пятно на своей толстовке. — Она оставляет их везде, я полагаю.

Джейн вдруг заметила, что он разглядывает её. Не так, как тогда, в переулке, — не с профессиональным интересом. А как-то иначе. Мягче. С любопытством. Как будто она была не просто девушкой, которая сбила его с ног, а чем-то большим. Чем-то, что он никак не мог уловить.

— Мы ведь уже виделись, верно? — спросил он.

Голос его изменился. Смех ушёл из него. Теперь он звучал тише, интимнее — так, словно всё вокруг них вдруг отодвинулось на второй план.

Джейн сглотнула.

— Да. У театра. После спектакля.

— Вы стояли в стороне. Вы не подошли.

Это была не ревность. Не обида. Это была констатация факта — и в то же время вопрос. Почему?

Джейн встретила с ним взглядом и вдруг поняла, что не может солгать. Не сейчас. Не ему.

— Вы выглядели уставшим, — сказала она просто. — Толпа, вспышки, все эти люди с программками... Мне показалось, что ещё одно лицо — это уже слишком. Что это было бы невежливо.

Он ничего не ответил. Просто смотрел на неё — долго, внимательно, уже без тени улыбки. Что-то промелькнуло в его взгляде — что-то, чего Джейн не смогла расшифровать. Может быть, удивление. Может быть, что-то ещё.

— Невежливо, — повторил он наконец, и уголки его губ дрогнули. — Вы знаете, за последние двадцать лет никто ни разу не использовал этого слова. «Стеснялась», «не узнала», «не хотела беспокоить» — да. Но «невежливо» — не припомню.

— Я так была воспитана, — сказала Джейн, сама не зная, зачем оправдывается.

— Кем?

Вопрос был простым, но что-то в том, как он его задал — с неподдельным интересом, с готовностью слушать, — заставило Джейн замереть. Она вдруг осознала, что этот человек, который только что сидел на мокрой траве с пятном от кофе на груди и смеялся, сейчас смотрит на неё так, словно она — единственное, что имеет значение в этот конкретный момент.

— Бабушкой, — сказала она наконец. — В основном.

— Ваша бабушка, — он кивнул, словно это всё объясняло, — должно быть, была мудрой женщиной.

— Она говорила, что воспитанный человек — это тот, кто делает другим удобно.

— А вам? — спросил он вдруг. — Вам тоже всегда должно быть удобно? Или вы об этом не подумали?

Джейн открыла рот, чтобы ответить — и не нашла слов. Потому что об этом она действительно не думала. Об удобстве. О том, что, стоя в стороне, она защищала не только его границы, но и свои собственные. О том, что не подходить — это был способ остаться невидимой. В безопасности.

Она не знала, что ответить. И, кажется, он это понял, потому что улыбнулся — мягко, понимающе — и вдруг протянул ей руку.

— Меня зовут Том, — сказал он. — Но вы это уже знаете.

Она посмотрела на его протянутую ладонь. На пятно от кофе. На Уиллоу, которая уже успела подружиться с Кляксой и теперь вылизывала ей ухо.

И пожала его руку.

— Джейн, — сказала она.

— Джейн, — повторил он, и в его устах это имя прозвучало иначе — теплее, мягче, как будто он пробовал его на вкус и находил приятным. — А полное имя?

Она замялась.

— Евгения. Но это сложно сказать именно по-русски.

— Ев-ге-ни-я, — произнёс он по слогам, старательно, чуть запинаясь на «г». — Нет, не сложно. Красиво. Но требует практики.

— Можете звать меня Джейн. Меня все так зовут.

— Все? — он чуть наклонил голову. — А много тех, кто называет вас Ев-ге-ни-я?

Она снова открыла рот — и снова не нашла слов. Потому что никто в Нью-Йорке, кроме Лены, не называл её Женей, или полным именем. И этот простой вопрос вдруг обнажил то, о чём она никогда не задумывалась: её американское имя было не просто именем. Это была стена. Граница. Способ сказать: «Вы не подходите слишком близко».

— Немного, — сказала она наконец. — Очень немного.

Том кивнул. Он не стал спрашивать, входит ли он в этот круг. Он просто наклонился, поднял с травы поводок Уиллоу и посмотрел на Джейн — всё с той же лёгкой, почти неуловимой улыбкой.

— Что ж, Джейн-чей-полное-имя-требует-практики, — сказал он. — У вас отличная собака. Немного опасная для прохожих, но отличная. И я рад, что сегодня утром я шёл именно по этой аллее.

— Правда? — вырвалось у неё.

— Правда, — он кивнул. — Не каждый день тебя сбивает с ног что-то настолько элегантное. — Он перевёл взгляд на Кляксу, которая уже сидела с видом глубочайшего удовлетворения, как будто всё шло по её плану. — Я про собаку, разумеется.

— Разумеется, — эхом повторила Джейн и вдруг поняла, что улыбается.

Он ещё раз посмотрел на неё — долгим, каким-то оценивающим взглядом, — и вдруг, словно приняв решение, сказал:

— Я часто гуляю здесь по утрам. Если вы не против компании... — он сделал паузу, — ...я бы хотел узнать, как правильно произносить ваше полное имя без акцента.

Джейн смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то сдвигается. Какая-то давно запертая дверь чуть-чуть приоткрывается. Совсем чуть-чуть. Но этого было достаточно.

— Я тоже именно здесь гуляю, — сказала она. — Точнее, меня выгуливают. Клякса. Она составляет маршрут.

— Умная девочка, — Том снова посмотрел на Кляксу с уважением. — Тогда до встречи, Джейн-с-собакой-которую-все-боятся.

— Она не опасная, — запротестовала Джейн. — Просто... импульсивная.

— Как и все лучшие люди, — сказал он и, коротко кивнув ей на прощание, пошёл дальше по аллее, уводя за собой Уиллоу, которая то и дело оглядывалась на новую подругу.

Джейн стояла и смотрела ему вслед. На его спину в испачканной толстовке. На то, как он слегка сутулился при ходьбе — привычка, которую она заметила ещё у театра. На то, как он наклонился и потрепал Уиллоу по голове, что-то ей тихо сказав.

Она поймала себя на мысли, что её сердце бьётся чуть быстрее обычного. И что она не хочет анализировать, почему.

— Ну что, Клякса, — сказала она, переводя взгляд на собаку, которая смотрела на неё с выражением глубочайшего самодовольства. — Ты это специально, да?

Клякса зевнула и вильнула хвостом. Это можно было трактовать по-разному.

“Honestly, I’m a Mess!”

“Честно говоря, я бардак!”

От автора

Читатель, ты держишь в руках историю, трогательную душу. Она вымышлена от начала до конца. Но эмоции в ней — настоящие. Потому что я писала её сердцем. И потому что где-то в Англии живёт человек, который вдохновил меня на эту книгу. Он не знает об этом. Но если ты, читая, хоть раз улыбнёшься его шутке, хоть раз выдохнешь «bloody hell» вместе с ним — значит, у меня получилось.

Эта книга — художественный вымысел. Здесь изменены некоторые даты и есть будущее, о котором мы можем только гадать! Почти всё, что здесь происходит, — плод моего воображения. Он переплетён с реальными событиями и вымышленными. Но один человек в ней настоящий.

Том Фелтон.

Я не знаю его лично. Я никогда не была с ним в одной комнате, не пожимала ему руку, не брала интервью. Но я читала его книгу. Смотрела его интервью. Слушала, как он говорит — с самоиронией, с честностью, иногда с «fuck», иногда с такой уязвимостью, что сердце сжимается. И где-то между страницами «Beyond the Wand» я поняла: вот человек, о котором стоит написать. Именно в том жанре, который я выбрала,

потому что, кажется, что такие книги находят своего читателя быстрее, чем автобиографии. Я хотела написать именно о нём не потому что он знаменит. Не потому что он Драко Малфой. А потому что он настоящий.

Мир знает его как Драко. Кто-то видит в нём плейбоя с обложек, кто-то — трусоватого каноничного слизеринца, который не умеет любить. Фанфики пишут его по-разному: идеальным, опасным, холодным, страстным. Но я не хотела писать Драко. Я хотела написать Тома. Живого. Настоящего. Того, кто смеётся, когда его сбивает с ног чужая собака. Кто говорит «fuck» и «bollocks», когда что-то идёт не так. Кто плакал на первой встрече анонимных алкоголиков, а на вторую пришёл сам. Кто коллекционирует украденные метафоры и до сих пор воюет с тостером.

Я пыталась показать его таким, какой он есть, а не таким, каким его хочет видеть мир. Не персонажем. Не иконой. Человеком. Со страхами, с ошибками, с ревностью, с любовью. С его музыкой, его собаками, его футболом, его братьями, его домом. С его манерой говорить — которую я держала в памяти, когда писала каждую реплику.

Том, если ты когда-нибудь это прочитаешь — прости меня. Я взяла твоё имя, твой характер, твои увлечения, твой дом, твою собаку, твоих братьев, твоих родителей. Я взяла твою жизнь и придумала для неё другую историю. Я знаю, что это дерзко. Возможно, даже слишком. Но я сделала это с огромным уважением. И с любовью. Не к Драко. К тебе.

Спасибо тебе за «Beyond the Wand». За честность. За то, что ты показал: можно упасть — и подняться. Можно быть знаменитым — и оставаться человеком. Можно шутить над собой и плакать, когда трудно. Твоя книга стала для меня не просто источником информации — она стала компасом. Я сверялась с ней, когда писала тебя. Интонации, фразы, самоирония — я пыталась сохранить их. Если где-то не получилось — не держи зла!

*Спасибо, что открыл эту книгу!
С любовью,
Автор, чёрт возьми!*

Глава 1. «Я не крутой»

(«I'm not cool» — из интервью *The Guardian*, 2016; также в подкасте «Happy Sad Confused», 2021)

Двумя днями ранее

Lyric Theatre сиял огнями, как дорогой лайнер, пришвартованный к тротуару 42-й улицы. Над входом, подсвеченная золотым, парила афиша — два мальчика, бегущие сквозь время, и готический шрифт, знакомый каждому, кто хоть раз в жизни включал телевизор. «Harry Potter and the Cursed Child». Лена остановилась прямо под ней и, задрав голову, шумно выдохнула облачко пара в холодный октябрьский воздух.

— Женька. Жень, ты только посмотри. Мы идём на Бродвей. Не в областной театр юного зрителя, где пахнет нафталином и чьей-то бабушкой, а на Бродвей. Ты вообще понимаешь, что это лучший день в моей жизни?

Джейн стояла рядом, засунув руки в карманы старого тренча — того самого, купленного три года назад с распродажи за смешные деньги, но сидевшего так, будто его кроили лично на неё. Она смотрела на афишу без трепета, скорее с любопытством человека, который когда-то краем глаза видел пару фильмов, но так и не удосужился прочитать книги. Драко Малфой в её сознании существовал где-то на периферии — светловолосый мальчишка с надменным выражением лица, который, кажется, в конце стал чуть менее противным. Или нет? Она не помнила.

— Лен, — сказала она, не оборачиваясь, — ты ведёшь себя как подросток перед концертом. Мне страшно представить, что будет, когда ты увидишь его живьём.

— Я буду просто смотреть, — Лена прижала ладони к груди в театральном жесте. — Честное слово. Я буду самой сдержанной женщиной во всём театре.

— Ты? Сдержанной? Ты рыдала на прошлой неделе из-за рекламы корма для собак.

— Там был золотистый ретривер, Жень! У него были такие глаза! — Лена всплеснула руками, и несколько прохожих обернулись. — Но сегодня — нет. Сегодня я образец британской чопорности. Я даже дышать буду с достоинством.

Джейн скептически хмыкнула, но ничего не сказала. Она знала Лену двенадцать лет — с того самого дня, когда их, двух девятнадцатилетних студенток питерского университета, посадили за одну парту на курсе «Теория и практика рекламы». Лена была той самой подругой, которая могла разбудить в три часа ночи, потому что «придумала гениальный слоган для зубной пасты», и той самой, которая спустя годы, уже в Нью-Йорке, сидела с ней на пожарной лестнице их съёмной квартиры в Бруклине, когда у Джейн не было ни работы, ни денег, ни веры в то, что она когда-нибудь выплывет. «Выплывешь, Женька, — сказала Лена тогда, протягивая ей банку дешёвого пива. — Ты же русская. Мы не тонем. Мы просто долго плывём».

И она выплыла. Сейчас, в тридцать пять, у неё была стабильная фриланс-практика — она делала логотипы для маленьких кофеен и стартапов, которые появлялись в Бруклине с той же частотой, с какой исчезали. Этого хватало на аренду, на еду и даже на то, чтобы иногда покупать билеты в театр. Не на первые ряды, конечно. На балкон. Но всё же.

— О чём думаешь? — Лена тронула её за локоть.

— О том, что мы уже опаздываем, а ты всё ещё позируешь под афишей.

Лена фыркнула, подхватила её под руку, и они вошли в фойе — в этот водоворот из красного бархата, хрустальных люстр и того особенного, ни с чем не сравнимого гула, какой бывает только в театре за десять минут до третьего звонка. Джейн никогда не могла точно описать, что она чувствует в такие моменты. Что-то среднее между предвкушением и покоем. Как будто на эти несколько часов можно было перестать быть собой и стать просто зрителем — тем, кто наблюдает, а не участвует.

Они нашли свои места. Балкон, третий ряд, не идеально, но с хорошим обзором. Лена немедленно вцепилась в программку, как в святую реликвию. Джейн рассеянно скользила взглядом по залу, отмечая детали — ей, как дизайнеру, это было свойственно. Плафон на

потолке требовал реставрации, но именно эта лёгкая потёртость придавала помещению благородства. Кресла были обиты тёмно-бордовым бархатом — когда-то ярким, теперь выцветшим до цвета старого вина. В воздухе стоял запах пыли, духов и едва уловимого электричества — так пахнет ожидание чуда.

Свет погас.

И началось.

Спектакль захватил Джейн не сразу. Первые минут двадцать она честно пыталась уследить за сюжетом, но путалась в именах и отсылках, которых Лена, выросшая на книгах, разумеется, понимала. Но потом — потом на сцене появился он.

Драко Малфой. Взрослый.

Он вышел из тени в строгом чёрном сюртуке, высокий, бледный, с холодным, отстранённым лицом — и зал на мгновение замер. Но Джейн замерла по другой причине. Что-то в том, как он двигался, как держал плечи, как звучал его голос — низкий, чуть хрипловатый, с идеальной британской дикцией, — заставило её податься вперёд.

Это была сцена разговора Драко с сыном — тяжёлый, мучительный диалог о том, как трудно любить, когда тебя самого никогда не учили любви. Джейн не знала предыстории этих отношений. Она не читала книг, не смотрела последние фильмы целиком. Но то, что происходило на сцене, не требовало контекста. Это была чистая, незамутнённая актёрская работа — когда слова не так важны, как паузы между ними.

«Я не знаю, как быть отцом, — говорил Драко, и его голос ломался на слове "отцом", как будто само это слово ранило его изнутри. — Мой отец... мой отец научил меня только одному: как носить фамилию. Как соответствовать ей. Как прятать всё остальное».

Джейн почувствовала, как у неё пересохло в горле. Она не ожидала этого. Она шла на развлекательное шоу, на красивое зрелище с магией и спецэффектами, а получила — что? Исповедь? Она покосилась на Лену. Та сидела с совершенно мокрыми глазами и даже не пыталась это скрыть.

Актёр на сцене — тот самый, ради которого Лена тащила её через полгорода, — не играл. Он проживал. И в этом проживании было столько личной боли, столько запрятанного глубоко внутрь понимания того, о чём он говорил, что Джейн вдруг стало неловко. Как будто она подсматривала за чем-то, что не было предназначено для посторонних глаз.

Антракт они провели почти в молчании. Лена утирала глаза и иногда повторяла: «Я же говорила. Я же говорила тебе». Джейн кивала, но думала о другом. О том, как странно устроена жизнь: ты можешь годами знать человека только как персонажа детской сказки, а потом в одно мгновение увидеть его совершенно иначе — объёмно, трагически, по-настоящему.

Второй акт пролетел как один миг. Когда зажгли свет и зал взорвался аплодисментами, Джейн почувствовала странную опустошённость. Так бывало всегда после по-настоящему хорошего спектакля — словно она только что вернулась из долгого путешествия и ещё не привыкла к реальности.

— Пойдём, — Лена уже тянула её за рукав. — Пойдём к служебному входу.

— Лен, ты серьёзно? Там будет толпа.

— Ну и что? Мы просто посмотрим. Мы не будем подходить. Мы просто... ну, поглазеим!

Джейн закатила глаза, но спорить не стала. Она слишком хорошо знала этот тон — тон, которым Лена произносила все свои самые безумные идеи, от поездки в Нью-Йорк по студенческой программе («Жень, ну а что мы теряем?») до покупки уиппета («Жень, ну посмотри на эти уши!»). Сопrotивляться этому тону было невозможно. И, честно говоря, Джейн не была уверена, что хочет сопротивляться.

Служебный выход Lyric Theatre находился в переулке, метрах в тридцати от главного входа. Когда они подошли, там уже собралось человек сорок — по большей части девушки и молодые женщины, некоторые в мантиях с символикой факультетов, другие просто нарядно одетые. В руках у них были программки, маркеры, телефоны. Атмосфера была приподнятой, но не истеричной — скорее взволнованной, как перед встречей с кем-то, кого долго ждал.

Джейн и Лена встали поодаль, у фонарного столба, метрах в десяти от основного скопления. Отсюда было хорошо видно дверь, но их самих почти не было заметно.

— Мы как шпионы, — прошептала Лена.

— Мы как сталкеры, — отозвалась Джейн. — Есть тонкая грань.

— Жень, не будь занудой. Мы же не орём и не тычем камерой в лицо. Мы просто смотрим.

Джейн вздохнула. Она не стала говорить вслух то, о чём подумала: что даже просто смотреть на человека, который не знает, что ты на него смотришь, было для неё немного... некомфортно. Она всю жизнь старалась не вторгаться в чужие границы. Ей казалось, что у знаменитостей этих границ не осталось вовсе, и от этого становилось почти физически неловко.

Дверь открылась примерно через полчаса.

Сначала вышли двое охранников — крупные, невозмутимые, в чёрных костюмах. Потом ещё несколько актёров из массовки — их встретили вежливыми аплодисментами. А потом вышел он.

Том Фелтон.

На нём не было сюртука. Не было холодного, отстранённого лица Драко Малфоя. Был обычный парень в джинсах, в простой белой футболке, поверх которой накинута лёгкая куртка-бомбер цвета хаки. На голове — бейсболка козырьком назад. Он выглядел уставшим — не измождённым, а именно уставшим, как выглядит человек после нескольких часов напряжённой работы, — но на лице его была улыбка. Не дежурная. Не натянутая. А тёплая, чуть застенчивая, как будто он до сих пор не до конца привык к тому, что люди ждут его выхода.

Толпа оживилась. Кто-то крикнул: «Том, ты лучший!», кто-то протянул программку. Он начал двигаться вдоль выстроившихся фанатов — медленно, методично, каждому уделяя несколько секунд. Подписывал. Позировал для селфи. Отвечал на вопросы, которые Джейн не могла расслышать. Один раз он рассмеялся над чем-то, что сказала девушка в гриффиндорском шарфе, и смех этот был искренним, открытым, совсем не таким, как на сцене.

— Он такой... обычный, — прошептала Джейн, не успев подумать.

— А чего ты ожидала? Что он выйдет в мантии и начнёт пулять заклинаниями? — хмыкнула Лена.

— Нет. Просто... не знаю. На сцене он был таким... — она не нашла слова.

— Огромным?

— Может быть.

Они стояли и смотрели. Том подписал ещё несколько программ, сделал фото с парой, которая, судя по всему, приехала из Японии, и уже двинулся было к машине — чёрному внедорожнику, ожидавшему у тротуара с открытой дверцей, — как вдруг остановился. Джейн заметила, как его взгляд скользнул по толпе — привычно, профессионально, — и вдруг замер.

Он посмотрел на них.

Это длилось не больше трёх секунд. Может, двух. Но за эти две секунды Джейн почувствовала, как воздух вокруг неё сделался плотнее. Он не улыбнулся. Не кивнул. Просто посмотрел — внимательно, как будто пытался что-то вспомнить. Или понять.

А потом он отвёл взгляд, сел в машину, и дверца закрылась.

— Жень, — голос Лены донёсся откуда-то издалека. — Женька, ты видела? Он на нас посмотрел.

— На меня, — поправила Джейн тихо.

— Что?

— Ничего. Пойдём домой. Холодно.

— Подожди, ты что, не хочешь...

— Лен, пойдём. Пожалуйста.

Она сама не знала, почему ей вдруг захотелось уйти. Не сбежать — именно уйти, спокойно и быстро, как уходят с чужого праздника, на котором оказались случайно. Но одну вещь она знала точно: этот взгляд — внимательный, как будто была какая-то загадка, которую он не мог разгадать с ходу, — она не забудет.

Лена ещё что-то щебетала по дороге к метро, но Джейн её почти не слушала. Она думала о том, что завтра ей нужно забрать у Лены ключи от квартиры и, главное, собаку. Кляксу. Уиппета с характером маленького торнадо. Лена улетала на Гавайи — внезапный отпуск, который она выиграла в каком-то конкурсе в инстаграме и который, по её словам, «выпадает раз в жизни». Джейн согласилась присмотреть за собакой, хотя её опыт общения с животными ограничивался хомяком в пятом классе. Что могло пойти не так?

Это был риторический вопрос. Вселенная, как известно, на риторические вопросы отвечает с особой жестокостью.

Прошло два дня.

Центральный парк в утренние часы — это особое государство внутри государства. У него свои законы, свои ритмы и свои граждане: бегуны с сосредоточенными лицами, мамы с колясками размером с небольшой автомобиль, пенсионеры, кормящие голубей с методичностью, граничащей с религиозным рвением. И собачники. Много собачников.

Джейн ненавидела рано вставать, но Кляксе было на это решительно наплевать. Уиппет, как выяснилось в первую же ночь, имел чёткое представление о расписании: подъём в шесть тридцать, прогулка в семь, завтрак в семь сорок пять. Не позже. Любое отклонение от графика каралось тихим, душераздирающим поскуливанием, которое Клякса издавала, сидя у кровати и глядя на Джейн своими огромными, полными вселенской скорби глазами. Выдержать этот взгляд было невозможно.

Поэтому в семь пятнадцать утра Джейн уже шагала по аллее Центрального парка, сжимая в одной руке поводок, а в другой — стаканчик с американо, который она успела купить в кофейне на углу. Кофе был горячим, утро — прохладным, небо над головой — безупречно синим. Если не считать того факта, что она не выспалась, а собака, которую она выгуливала, относилась к ней с царственным снисхождением, всё было почти идеально.

Клякса бежала впереди лёгкой, пружинистой рысцой, которая казалась совершенно безобидной, если не знать, что из этого состояния она способна перейти в полный боевой режим за ноль целых пять десятых секунды. Джейн этого пока не знала. Вернее, Лена её предупреждала — что-то про «охотничий инстинкт» и «не спускать с поводка», — но Джейн, наивная душа, решила, что подруга преувеличивает. Клякса была слишком изящной, слишком аристократичной, чтобы устраивать безумства. Она выглядела как собака, которая предпочла бы лежать на бархатной подушке и принимать комплименты.

Внешность, как известно, обманчива.

Телефон в заднем кармане завибрировал. Джейн переложила стаканчик в ту же руку, что держала поводок, и попыталась достать мобильник, не облившись кофе. Это была задача из разряда «почти невыполнимых», но она почти справилась. Почти.

— Алло?

— Как там моя девочка? — Голос Лены звучал так, словно она звонила напрямую из рая. На заднем плане слышался шум волн.

— Твоя девочка пятнадцать минут назад попыталась съесть голубя, — Джейн попыталась зажать телефон плечом, одновременно удерживая поводок и пытаясь донести стаканчик до урны. — Живого, Лен. Она поймала его ртом.

— О боже. И что голубь?

— Голубь в порядке. Я нет. Какая-то женщина в легинсах назвала меня безответственной мамашей.

Лена расхохоталась.

— Женька, ты прелесть. Я тебя обожаю. Ты держись там, ладно? Через пару дней вернусь.

— Я и не жалею, — Джейн наконец донесла стаканчик до урны. Кофе был допит. Остатки полетели в мусорку. — Просто предупреждаю: твоя собака — это замаскированный демон. Красивый, но демон.

— Это потому что ты с ней не сюсюкаешь. Ей нужно, чтобы её любили.

— Лен, я кормлю её с рук и разрешаю спать на подушке. По-моему, это уже...

Она не закончила. Потому что в этот самый момент Клякса сделала то, что уиппеты делают лучше всего, — рванула с места. Не было ни предупреждения, ни натяжения поводка, ни паузы. Только что она трусила рядом — и вот она уже несётся вперёд, распластавшись в прыжке, как гончая на треке, и единственное, что успела заметить Джейн, — это силуэт мужчины с собакой, который появился на аллее метрах в пятнадцати впереди.

Поводок выскользнул из рук.

Телефон выпал.

Стаканчик, уже пустой, покатился по асфальту.

— Клякса! — крикнула Джейн, но было поздно.

Дальнейшее произошло в течение примерно трёх секунд, которые для Джейн растянулись в вечность. Клякса на полной скорости врезалась в ноги мужчины. Мужчина потерял равновесие. Стаканчик с кофе, который он держал в руке, взлетел в воздух, описав дугу, достойную современного искусства. Мужчина упал — не жёстко, скорее нелепо, — на газон. Его бейсболка слетела. Солнечные очки съехали набок.

А его собака — чёрный лабрадор с блестящей шерстью, любопытными глазами-бусинами и хвостом, который, кажется, жил своей собственной жизнью, — немедленно бросилась к Кляксе и начала её обнюхивать с энтузиазмом давнего друга, который наконец-то встретил родственную душу.

Джейн подбежала. Вернее, подлетела. Она схватила Кляксу за ошейник и, даже не взглянув на поверженного мужчину, выпалила на том особом языке, на котором думала в моменты крайнего стресса — на русском, в перемешку с английским:

— Клякса! Ты что, совсем с катушек слетела?! Ты сбила человека! Ты понимаешь, что ты натворила?! Ленка тебя гладиаторами что ли, кормит?! Откуда в тебе эта тяга к разрушению?! Ты посмотри на него — он же весь в кофе! У него толстовка, возможно, стоит больше, чем моя аренда, а ты...

И тут раздался смех.

Не вежливый смешок, не сдержанное хмыканье — а настоящий, искренний, мальчишеский хохот, от которого запрокидывают голову и забывают дышать. Мужчина на траве смеялся так, будто всё происходящее было лучшей комедией, которую он видел за последние годы.

Джейн замерла. Медленно — очень медленно — она повернула голову.

Мужчина стянул с лица перекошенные очки. Без бейсболки, без очков, с прилипшими ко лбу светлыми волосами и широким кофейным пятном на груди, он сидел на мокрой траве Центрального парка и смеялся — открыто, заразительно, запрокинув голову. Вокруг глаз собрались тонкие лучики морщин. От него веяло такой неподдельной, такой обезоруживающей радостью, что Джейн на мгновение забыла, где она находится.

И тут она его узнала.

Тот самый человек. Со сцены. Из переулка. Тот, чей взгляд она не могла забыть два дня. Том Фелтон собственной персоной — не в сюртуке и не при полном параде, а в мятой толстовке, с травинками в волосах и кофейным пятном на всю грудь. Он сидел на газоне Центрального парка и хохотал так, словно она была лучшим комиком поколения.

— Вы... — начала она и осеклась. — Я... Простите, ради бога. Я оплачу химчист...

— Нет, пожалуйста, не останавливайтесь, — он поднял руку, всё ещё смеясь, и его голос — тот самый голос, который она слышала со сцены, — прозвучал тепло и совершенно не актёрски. — Мне совершенно необходимо узнать, кем вас двоих кормили, потому что... — он перевёл дыхание и вытер выступившие от смеха слёзы, — ...честно говоря, это не самый худший способ начать утро. Обычно я сам проливаю на себя кофе. По крайней мере, теперь у меня есть забавная история.

Он говорил легко, с той особенной, чуть небрежной интонацией, в которой смешивались британская самоирония и искреннее, почти детское веселье. Он не был раздражён. Ему действительно было смешно. И от этого Джейн стало одновременно и легче, и ещё более неловко.

— Я думаю, она хотела просто познакомиться с вашей собакой, — сказала она, чувствуя, как предательски краснеют щёки. — Это уиппет. Они быстрые. И идиоты. В смысле — не в медицинском смысле, просто...

— Уиппеты — это великолепно, — перебил он, поднимаясь с травы одним плавным движением. — У меня у самого в детстве была такая. Они не идиоты. Они — гении. Просто у них приоритеты отличаются от наших.

Он наклонился к Кляксе и серьёзно, как равной, кивнул ей:

— Моё уважение.

Клякса в ответ лизнула его в нос. Том снова рассмеялся — на этот раз тише, мягче, — и выпрямился, отряхивая джинсы.

— Как её зовут?

— Клякса, — сказала Джейн и тут же, почему-то смутившись, пояснила: — Это значит... ну, чернильное пятно. По-русски.

— Кляк-са, — повторил он, старательно выговаривая незнакомые звуки. Получилось с запинкой, но очень старательно. — Сложно. Но справедливо. — Он указал на пятно на своей толстовке. — Она оставляет их везде, я полагаю.

Джейн вдруг заметила, что он разглядывает её. Не так, как тогда, в переулке, — не с профессиональным интересом. А как-то иначе. Мягче. С любопытством. Как будто она была не просто девушкой, которая сбила его с ног, а чем-то большим. Чем-то, что он никак не мог уловить.

— Мы ведь уже виделись, верно? — спросил он.

Голос его изменился. Смех ушёл из него. Теперь он звучал тише, интимнее — так, словно всё вокруг них вдруг отодвинулось на второй план.

Джейн сглотнула.

— Да. У театра. После спектакля.

— Вы стояли в стороне. Вы не подошли.

Это была не ревность. Не обида. Это была констатация факта — и в то же время вопрос. Почему?

Джейн встретила с ним взглядом и вдруг поняла, что не может солгать. Не сейчас. Не ему.

— Вы выглядели уставшим, — сказала она просто. — Толпа, вспышки, все эти люди с программками... Мне показалось, что ещё одно лицо — это уже слишком. Что это было бы невежливо.

Он ничего не ответил. Просто смотрел на неё — долго, внимательно, уже без тени улыбки. Что-то промелькнуло в его взгляде — что-то, чего Джейн не смогла расшифровать. Может быть, удивление. Может быть, что-то ещё.

— Невежливо, — повторил он наконец, и уголки его губ дрогнули. — Вы знаете, за последние двадцать лет никто ни разу не использовал этого слова. «Стеснялась», «не узнала», «не хотела беспокоить» — да. Но «невежливо» — не припомню.

— Я так была воспитана, — сказала Джейн, сама не зная, зачем оправдывается.

— Кем?

Вопрос был простым, но что-то в том, как он его задал — с неподдельным интересом, с готовностью слушать, — заставило Джейн замереть. Она вдруг осознала, что этот человек, который только что сидел на мокрой траве с пятном от кофе на груди и смеялся, сейчас смотрит на неё так, словно она — единственное, что имеет значение в этот конкретный момент.

— Бабушкой, — сказала она наконец. — В основном.

— Ваша бабушка, — он кивнул, словно это всё объясняло, — должно быть, была мудрой женщиной.

— Она говорила, что воспитанный человек — это тот, кто делает другим удобно.

— А вам? — спросил он вдруг. — Вам тоже всегда должно быть удобно? Или вы об этом не подумали?

Джейн открыла рот, чтобы ответить — и не нашла слов. Потому что об этом она действительно не думала. Об удобстве. О том, что, стоя в стороне, она защищала не только его границы, но и свои собственные. О том, что не подходить — это был способ остаться невидимой. В безопасности.

Она не знала, что ответить. И, кажется, он это понял, потому что улыбнулся — мягко, понимающе — и вдруг протянул ей руку.

— Меня зовут Том, — сказал он. — Но вы это уже знаете.

Она посмотрела на его протянутую ладонь. На пятно от кофе. На Уиллоу, которая уже успела подружиться с Кляксой и теперь вылизывала ей ухо.

И пожала его руку.

— Джейн, — сказала она.

— Джейн, — повторил он, и в его устах это имя прозвучало иначе — теплее, мягче, как будто он пробовал его на вкус и находил приятным. — А полное имя?

Она замялась.

— Евгения. Но это сложно сказать именно по-русски.

— Ев-ге-ни-я, — произнёс он по слогам, старательно, чуть запинаясь на «г». — Нет, не сложно. Красиво. Но требует практики.

— Можете звать меня Джейн. Меня все так зовут.

— Все? — он чуть наклонил голову. — А много тех, кто называет вас Ев-ге-ни-я?

Она снова открыла рот — и снова не нашла слов. Потому что никто в Нью-Йорке, кроме Лены, не называл её Женей, или полным именем. И этот простой вопрос вдруг обнажил то, о чём она никогда не задумывалась: её американское имя было не просто именем. Это была стена. Граница. Способ сказать: «Вы не подходите слишком близко».

— Немного, — сказала она наконец. — Очень немного.

Том кивнул. Он не стал спрашивать, входит ли он в этот круг. Он просто наклонился, поднял с травы поводок Уиллоу и посмотрел на Джейн — всё с той же лёгкой, почти неуловимой улыбкой.

— Что ж, Джейн-чей-полное-имя-требуется-практики, — сказал он. — У вас отличная собака. Немного опасная для прохожих, но отличная. И я рад, что сегодня утром я шёл именно по этой аллее.

— Правда? — вырвалось у неё.

— Правда, — он кивнул. — Не каждый день тебя сбивает с ног что-то настолько элегантное. — Он перевёл взгляд на Кляксу, которая уже сидела с видом глубочайшего удовлетворения, как будто всё шло по её плану. — Я про собаку, разумеется.

— Разумеется, — эхом повторила Джейн и вдруг поняла, что улыбается.

Он ещё раз посмотрел на неё — долгим, каким-то оценивающим взглядом, — и вдруг, словно приняв решение, сказал:

— Я часто гуляю здесь по утрам. Если вы не против компании... — он сделал паузу, — ...я бы хотел узнать, как правильно произносить ваше полное имя без акцента.

Джейн смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то сдвигается. Какая-то давно запертая дверь чуть-чуть приоткрывается. Совсем чуть-чуть. Но этого было достаточно.

— Я тоже именно здесь гуляю, — сказала она. — Точнее, меня выгуливают. Клякса. Она составляет маршрут.

— Умная девочка, — Том снова посмотрел на Кляксу с уважением. — Тогда до встречи, Джейн-с-собакой-которую-все-боятся.

— Она не опасная, — запротестовала Джейн. — Просто... импульсивная.

— Как и все лучшие люди, — сказал он и, коротко кивнув ей на прощание, пошёл дальше по аллее, уводя за собой Уиллоу, которая то и дело оглядывалась на новую подругу.

Джейн стояла и смотрела ему вслед. На его спину в испачканной толстовке. На то, как он слегка сутулился при ходьбе — привычка, которую она заметила ещё у театра. На то, как он наклонился и потрепал Уиллоу по голове, что-то ей тихо сказав.

Она поймала себя на мысли, что её сердце бьётся чуть быстрее обычного. И что она не хочет анализировать, почему.

— Ну что, Клякса, — сказала она, переводя взгляд на собаку, которая смотрела на неё с выражением глубочайшего самодовольства. — Ты это специально, да?

Клякса зевнула и вильнула хвостом. Это можно было трактовать по-разному.

Глава 2 "Сообщение от Уиллоу"

(Из официальных соцсетей: Том регулярно публикует фото Уиллоу и Фореста пишет от их лица в Instagram с 2019 года)

Лена вернулась в Нью-Йорк во вторник, в четыре часа пополудни, и уже в четыре сорок семь она стояла в дверях своей квартиры — загорелая, пахнущая кокосом и аэропортовым кофе, с гирляндой из искусственных цветов на шее и с чемоданом, который, судя по звукам, которые он издавал при движении, весил больше неё самой.

— Женька! — завопила она, бросая чемодан прямо в коридоре и заключая подругу в объятия, от которых у Джейн едва не хрустнули рёбра. — Ты жива! Выглядишь... ну, почти не замученной. Где моя девочка? Где моя Клякса?

Клякса, которая до этого момента мирно дремала на диване, свернувшись в клубок, похожий на палевую булочку с корицей, открыла один глаз, оценила ситуацию и вдруг — впервые за все дни, что Джейн за ней ухаживала, — проявила бурную эмоциональную реакцию. Она вскочила, заметалась по дивану, запуталась в пледе и в итоге рухнула на пол с таким энтузиазмом, словно пыталась одновременно вилять хвостом, облизываться и плакать от счастья. Это было похоже на маленький мохнатый взрыв.

— Детка моя! — Лена рухнула на колени и приняла в объятия двадцать два фунта извивающейся, скулящей, бесконечно любящей собаки. — Мама вернулась. Мама тебя больше никогда не бросит. Жень, она похудела?

— Она съела два пакета корма, половину моего круассана и картонную упаковку от яиц за три дня, — сказала Джейн, прислоняясь плечом к косяку. — Она не похудела. Она стала плотнее.

— Ты её недолюбливала! Я чувствую!

— Лен, я кормила её с рук и разрешала спать на подушке. Если это недолюбивание, то я не знаю, что такое любовь.

Лена поднялась, всё ещё прижимая Кляксу к груди, как младенца, и пристально посмотрела на подругу. В её глазах заплясали те самые искорки, которые обычно предвещали лавину вопросов, на которые у Джейн не было готовых ответов.

— Так, — сказала Лена. — А теперь рассказывай. Ты какая-то... подозрительно загадочная. Ты отвечала на мои сообщения односложно. «Ок». «Норм». «Клякса в порядке». Что случилось?

— Ничего не случилось.

— Жень. Я знаю тебя двенадцать лет. У тебя на лице написано: «Я что-то скрываю, но я слишком хорошо воспитана, чтобы вываливать это сразу».

Джейн вздохнула. Спорить с Леной было всё равно что спорить с ураганом — можно, но результат будет один и тот же: ураган всё равно сделает по-своему, только ты потратишь время и силы.

— Хорошо, — сказала она, проходя в гостиную и опускаясь в потертое кресло, которое Лена подобрала три года назад на блошином рынке в Бруклине и которое с тех пор считала «винтажным сокровищем», хотя на самом деле оно было просто старым и скрипучим. — Я расскажу. Только пообещай не кричать.

— Я? Кричать? — Лена оскорблённо прижала свободную руку к сердцу. Вторая рука всё ещё держала Кляксу.

— Ты кричишь, когда видишь скидку на сыр, Лен.

— Это другое. Там был бри. Бри за полцены — это событие. Давай, рассказывай.

И Джейн рассказала. Про утро в Центральном парке — о том, как Клякса понеслась, как незнакомец в серой толстовке рухнул на газон и как он смеялся, сидя на мокрой траве с пятном кофе на груди. Про то, как она подняла глаза и узнала его — того самого человека со сцены.

Когда она закончила, в комнате повисла тишина — такая глубокая, какой не бывает в присутствии Лены. Даже Клякса перестала возиться и смотрела на хозяйку с лёгким недоумением, словно спрашивая: «Почему тихо? Обычно эта громкая женщина уже что-то кричит».

Лена медленно опустилась на диван. Клякса прыгнула с её рук и устроилась рядом, свернувшись калачиком.

— Том Фелтон, — произнесла Лена голосом, который был подозрительно ровным — как затишье перед бурей. — Ты сбила с ног Тома Фелтона. В Центральном парке. И ты говоришь мне об этом только сейчас?

— Ты была на Гавайях.

— Жень, есть новости, которые требуют международного роуминга! — взорвалась Лена. — Есть события, ради которых можно прервать снорклинг и ответить на звонок! Я бы бросила трубку и кита, если бы узнала, что ты сбила с ног голливудскую звезду и он сидел перед тобой на траве и смеялся!

— Там не было кита, — заметила Джейн.

— Это метафора! — Лена вскочила и начала расхаживать по комнате, едва не опрокинув стопку книг, которую сама же называла «творческим беспорядком» и запрещала трогать. — Значит так. Ты сбила его. Точнее, собака — моя собака, заметь, я внесла свой вклад в эту историю, — сбила его. Он смеялся. Он сказал, что рад этой встрече. Он спросил твоё имя. Он попытался выговорить «Клякса». И ты... ты... — Лена остановилась, театрально прижав ладонь ко лбу. — Ты не взяла его номер?!

Джейн развела руками.

— Лен, это было бы странно. «Спасибо, что не разозлились, когда моя собака вас опрокинула, можно ваш телефон?» По-моему, это не очень...

— Это не странно! — Лена схватила с журнального столика свёрнутую в трубочку программку — ту самую, что они купили в театре, — и начала размахивать ею, как дирижёрской палочкой. — Это жизнь, Жень! Жизнь — она про то, чтобы брать номера телефонов у людей, с которыми ты сталкиваешься в парке! Особенно если эти люди — известные актёры, которые, цитирую: «Я рад, что сегодня шёл по этой аллее»! Ты понимаешь, что он специально это сказал? Это был сигнал! Мужчины не говорят таких вещей просто так! Они говорят: «Осторожнее», или «Ничего страшного», или «Бывает». А он сказал: «Я рад». Это...

— Лен...

— Это судьба! — Лена драматично ткнула программкой в потолок. — Вселенная, Жень! Вселенная посылает тебе знаки, а ты их игнорируешь!

— Вселенная послала мне уиппета, который сбивает людей с ног, — Джейн усмехнулась, откидываясь в кресле. — Не очень романтичный знак, согласись.

— Самый романтичный! Ты хоть понимаешь, сколько женщин пытались познакомиться с ним за эти годы? Тысячи! Десятки тысяч! Они ходили на премьеры, они стояли у красных дорожек, они писали ему письма, они... они придумывали поводы! А ты что сделала? Ты просто выгуливала мою собаку и даже не заметила его, пока не опрокинула на газон! Ты даже не смотрела на него! Ты ругалась по-русски! Жень, это лучшая стратегия соблазнения в истории! Ты случайно изобрела идеальный способ познакомиться со звездой — просто не обращай на неё внимания!

Джейн рассмеялась — негромко, но искренне. Лена в своём праведном гневе была прекрасна: раскрасневшаяся, с гирляндой, съехавшей на одно ухо, она напоминала гавайскую жрицу, которая только что получила откровение и теперь несёт его в массы.

— Лен, послушай, — сказала Джейн, когда подруга наконец перевела дыхание. — Даже если бы я взяла его номер — что дальше? Кто он и кто я? Я дизайнер логотипов из Бруклина с визой и без медицинской страховки. Он — человек, чьё лицо знает половина планеты. В моей жизни нет места для такой... — она помедлила, подбирая слово, — ...орбиты. У нас разные гравитации.

Лена замолчала. Программка в её руке опустилась. Она посмотрела на Джейн — уже без шутовского пафоса, а с той спокойной, пронзительной внимательностью, которая всегда поражала Джейн в подруге. Лена могла быть громкой, суетливой, театральной — но когда дело касалось важных вещей, она становилась точной и безжалостно честной.

— Знаешь, что я думаю? — сказала она тихо.

— Ты сейчас всё равно скажешь.

— Я думаю, что ты боишься.

Джейн подняла бровь.

— Я серьёзно, Жень. Ты боишься не славы, не публичности, не того, что о тебе подумают. Ты боишься, что он может тебе понравиться. По-настоящему. И тогда тебе придётся что-то менять. А ты привыкла быть невидимкой. Тебе удобно быть Джейн — без фамилии, без прошлого, без претензий на что-то большее. Но жизнь иногда предлагает большее. И единственный вопрос — возьмёшь ли ты это, когда тебе протянут.

В комнате стало тихо. Клякса, почувствовав перемену в атмосфере, перевернулась на спину и захрапела — тоненько, с присвистом, как будто аккомпанировала серьёзности момента.

Джейн смотрела в окно. За стеклом золотился предвечерний Нью-Йорк — тот самый волшебный час, когда город на мгновение замирает между суетой дня и электрической лихорадочной ночи. Она думала о том, что Лена, как всегда, попала в точку — и, как всегда, совершенно не знала, что с этой точкой делать дальше.

— Мне пора, — сказала она, поднимаясь. — Завтра дедлайн по проекту, а я ещё половину не сделала.

— Жень...

— Я подумаю, Лен. Правда. Просто... дай мне время.

Лена вздохнула, но спорить не стала. Она подошла и обняла подругу — крепко, тепло, без слов. От неё пахло кокосом и солнцем, и в этом запахе было что-то успокаивающее, как напоминание о том, что где-то есть океан и волны, и всё в конечном счёте будет хорошо.

— Иди, — сказала она. — Но знай: я не закончила этот разговор.

— Я знаю, — улыбнулась Джейн. — Ты никогда не заканчиваешь разговоры. Ты ставишь их на паузу до следующего раунда.

— Именно! — Лена просияла. — Я как боксёр, только в мире дружеских советов.

Джейн ещё раз обняла её, потрепала Кляксу за ухом — та дёрнула лапой во сне, — и вышла из квартиры.

Центральный парк встретил её золотым светом и прохладным ветром. Джейн шла по аллее, засунув руки в карманы тренча, и думала о том, что Лена права. Не во всём — но в главном. Она действительно боялась. Не его. Себя.

Она не заметила, как ноги сами вынесли её на ту самую аллею — ту, где три дня назад Клякса устроила переполох. Скамейка. Газон. Вон там, у поворота, он сидел на траве, смеялся и вытирал кофе с толстовки.

Она остановилась. Глупо. Зачем она здесь? Она же не ждёт его. Он наверняка гуляет в другое время. Или вообще не гуляет — у него спектакли, интервью, жизнь, которая не имеет ничего общего с...

Размышления были прерваны самым бесцеремонным образом. Что-то мягкое и мохнатое врезалось ей в колени с такой силой, что она едва устояла на ногах. Она опустила взгляд — и встретила глазами с Уиллоу.

Лохматый лабрадудль сиял. Буквально. Его хвост работал пропеллером, язык свисал набок, а вся морда выражала такое безграничное счастье, словно Джейн была не случайной знакомой, а лучшим другом, которого он ждал всю свою собачью жизнь.

— Привет, — выдохнула Джейн, приседая и запуская пальцы в густую шерсть. — Ты меня помнишь, да? Ты помнишь!

Уиллоу в ответ лизнула её в нос и издала короткий, приглушённый лай, который, вероятно, означал: «Конечно, помню! Ты — та самая, с которой моя новая подруга Клякса! А где она? Она пришла?»

— Она дома, — сказала Джейн, всё ещё поглаживая собаку, — с мамой. Отдыхает. Она передавала тебе...

— Она передавала вам привет.

Джейн замерла. Голос раздался откуда-то сверху и слева. Она резко подняла голову.

Том стоял в трёх шагах от неё. На нём была та же бейсболка, что в прошлый раз, но футболка другая — тёмно-синяя, с выцветшим принтом The Rolling Stones. Уиллоу всё ещё виляла хвостом, переводя взгляд с хозяйки на хозяина: «Ну? Я же правильно сделала? Я побежала к ней! Ты же этого хотел?»

— Привет, — сказал он, и в голосе его была та самая интонация — тёплая, чуть удивлённая, словно он сам не до конца верил, что они снова встретились.

— Привет, — ответила Джейн, выпрямляясь. — Я... я шла мимо. От подруги. Она живёт...

— ...на Верхнем Вест-Сайде? — он улыбнулся уголком губ. — Я тоже. Мы практически соседи.

— Практически, — эхом повторила она, не зная, что ещё сказать.

Повисла пауза. Уиллоу, не в силах выносить бездействие, начала ходить кругами вокруг них обоих, как будто пыталась завязать их ноги невидимой верёвкой.

— Вы без собаки сегодня, — заметил Том, и в его голосе было что-то похожее на... разочарование? — Я почти скучаю по Кляксе. По её разрушительной энергии.

— Это собака моей подруги, Лены. Я присматривала за ней, пока Лена уезжала. Она вернулась и... — Джейн сделала неопределённый жест рукой, — ...воссоединение было бурным. Клякса теперь отдыхает. Она эмоционально вымотана.

— Понимаю, — кивнул Том совершенно серьёзно. — Уиллоу после встреч с друзьями тоже спит полдня. Собаки — они как мы. Только честнее.

Он помолчал, а потом вдруг сказал — так, словно только что принял решение:

— Вы не торопитесь? Я как раз собирался пройтись до водоёма. Уиллоу любит смотреть на уток. Точнее, я думаю, что она любит — она на них лает, но мне кажется, это такая форма признания в любви.

Джейн посмотрела на него. На Уиллоу, которая уже тянула поводок в сторону пруда. На золотой свет, пробивающийся сквозь листву. И вдруг поняла, что у неё нет никаких причин отказываться.

— Не тороплюсь, — сказала она.

И они пошли.

Сначала рядом, на расстоянии вытянутой руки, но потом, когда аллея сузилась, это расстояние сократилось само собой. Они шли сквозь парк — двое почти незнакомцев, — и это не было неловко. Это было... естественно. Так естественно, словно они уже делали это раньше. Может, в какой-то другой жизни. Или в какой-то другой главе.

Первым заговорил Том:

— Я всё думал о том, что вы сказали. Про то, вы стояли у театра. Про то, что не подошли, потому что это было бы невежливо.

— Вы помните это?

— Я помню всё, что люди говорят мне, когда не пытаются что-то получить, — он бросил на неё короткий взгляд — не испытующий, а скорее тёплый. — Это короткий список. Он уместается на салфетке.

Джейн не нашлась, что ответить. Она опустила глаза и заметила, что шнурок на её правом кроссовке развязался. Остановилась, присела, завязала. Он остановился тоже — не пошёл вперёд, а подождал.

— Вы сказали, что вас так воспитала бабушка, — продолжил он, когда они снова двинулись. — А родители?

— Родители... — Джейн помедлила. — Родители были заняты. В девяностые в России все были заняты — выживанием. Бабушка взяла на себя культурную программу.

— И что входило в программу?

— Книги. Много книг. Музыка. Она играла на пианино — старенькое такое, ещё немецкое, с пожелтевшими клавишами. Учила меня читать по нотам. Я сопротивлялась, конечно. Мне хотелось на улицу, к друзьям. А она говорила: «Женя, музыка — это язык. Будешь знать языки — везде найдёшь собеседника».

Том вдруг остановился.

— Подождите, — сказал он. — Сейчас.

— Что?

— Женья, — произнёс он, старательно смягчая «ж». — Не Джейн. Она называла вас Женей?

Джейн почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Никто в Нью-Йорке — никто, кроме Лены, — не называл её так.

— Да, — сказала она тихо. — Женья. Это уменьшительное. От Евгении.

— Ев-ге-ни-я, — повторил он, тщательно выговаривая каждый слог. Получилось почти без акцента — только «г» вышла чуть тверже, чем нужно, и «я» на конце прозвучало скорее как «йя». — Правильно?

— Близко. Почти идеально. Только «г» — мягче. Как будто вы не договариваете её до конца.

— Ев-ге-ни-я, — попробовал он снова, на этот раз с мягкой, почти придыхательной «г». — Так?

— Так, — она улыбнулась. — Пять баллов.

— Я тренировался, — признался он с лёгким смущением. — После нашей встречи. Правда, я не знал, что есть ещё и «Женья». Это сложнее. «Ж» — звук, который британцам не даётся совсем. Мы привыкли к мягким звукам, а тут нужно рычать.

— Вы хотите выучить все варианты? — спросила Джейн, всё ещё улыбаясь.

— Хочу, — сказал он просто. — Имена — это важно. Меня двадцать лет называют Драко. Иногда мне кажется, что я сам забыл, что меня зовут иначе. А когда кто-то говорит «Том», я оборачиваюсь не сразу. Представляете? Теряешь собственное имя, потому что другое стало громче. — Он помолчал. — Поэтому я стараюсь запоминать имена других. Настоящие. Это... как возвращать долг, наверное.

Джейн посмотрела на него — и впервые за всё время их общения увидела не актёра, не звезду, не лицо с афиш. Она увидела человека, который в двенадцать лет получил роль, определившую его жизнь, и с тех пор делил себя между собой и персонажем. Человека, который знал цену имени.

— Том, — сказала она, пробуя это имя на вкус.

Он обернулся. Сразу. Без задержки.

— Да?

— Ничего, — она покачала головой. — Просто проверяла.

Он улыбнулся. И они пошли дальше.

У пруда они остановились. Уиллоу немедленно устремилась к воде, натягивая поводок, и Том, смеясь, побежал за ней, чтобы она не свалилась в пруд за утками. Джейн смотрела на них — на этого странного, смешного, неожиданно глубокого человека, который гонялся за собакой у кромки воды, и чувствовала, как внутри что-то медленно, осторожно переворачивается.

Когда Уиллоу наконец утомилась и они двинулись обратно, разговор перетёк в более лёгкое русло. Джейн рассказала про дизайн — про то, как создаёт логотипы для кофеен. Том, к её удивлению, заинтересовался искренне — он сказал, что иногда рисует эскизы для своих музыкальных проектов, для обложек, для мерча.

— Я никому их не показываю, — признался он. — Это просто для себя. Как терапия.

— Я бы посмотрела, — сказала Джейн. — Профессионально. Если захотите.

— Возможно, — он улыбнулся. — Но сначала я должен освоить «Женю». Иначе вы не будете воспринимать меня всерьёз.

— Это правда, — кивнула она с серьёзным лицом. — Без правильного произношения «Жени» профессиональная оценка эскизов невозможна. Таков закон.

Он рассмеялся — тем самым смехом, который она уже успела узнать.

— У вас отличное чувство юмора.

— У меня русское чувство юмора, — поправила она. — Это другое. Мы смеёмся над тем, от чего остальные плачут.

— Я запомню, — сказал он.

Они подошли к выходу из парка. Солнце уже клонилось к закату, и небо над городом окрасилось в оттенки розового и персикового. Уиллоу устала и плелась позади, изредка поглядывая на Джейн с немим вопросом: «Ты ещё придёшь?»

— Спасибо за прогулку, — сказала Джейн. — И за компанию.

— Это вам спасибо, — он помедлил, словно взвешивая что-то про себя, а потом сказал — спокойно, без давления, но с той же тёплой прямоотой, которая, кажется, была его фирменным стилем: — Я хотел бы как-нибудь повторить. Если вы не против.

— Я не против.

— Тогда... — он достал телефон. — Может, обменяемся номерами? Чтобы нам не приходилось полагаться на Уиллоу в организации встреч. Она отличный организатор, но работает только по определенным часам.

Джейн засмеялась и продиктовала номер. Он вбил его в телефон, а потом, на секунду задумавшись, набрал что-то ещё. Её телефон завибрировал в кармане.

— Это я, — сказал он, убирая мобильник. — Теперь у вас тоже есть мой номер. Равноправие.

— Равноправие, — повторила она. — Отличный принцип.

— Я стараюсь его придерживаться.

Он наклонился, потрепал Уиллоу по голове, что-то тихо ей сказал — и затем выпрямился, глядя на Джейн. Взгляд его был долгим, но не тяжёлым — скорее задумчивым, как будто он пытался запомнить этот момент: парк, закат, девушка в старом тренче, которая назвала его по имени и не просила ничего взамен.

— До встречи, Джейн-Евгения-Женя, — сказал он.

— До встречи, Том.

И она пошла по улице, чувствуя, как телефон в кармане прожигает ткань.

Вечером, когда она уже сидела дома за ноутбуком, пытаясь заставить себя работать, телефон завибрировал снова. Сообщение.

«Уиллоу сказала, что вы ей понравились. А она редко ошибается в людях. Очень редко. Например, один раз ей не понравился почтальон, и через неделю выяснилось, что он клал счета в чужие ящики. Это не шутка. Так что я склонен ей доверять, чёрт возьми! Спокойной ночи, Жен-я (я практикуюсь!)».

Джейн перечитала сообщение три раза. Потом отложила телефон. Потом взяла снова. Сердце билось где-то в горле, а уголки губ сами ползли вверх, как будто лицо забыло, как быть серьёзным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.